

М.В. Первушин
«СКАЗАНИЕ О МАГМЕТ-САЛТАНЕ» ИВАНА ПЕРЕСВЕТОВА:
УРОКИ ДЛЯ РУССКОГО ЦАРЯ

Памяти Андрея Витальевича Каравашкина

Аннотация: В статье предложены направления для дальнейшего исследования «Сказания о Магмет-салтане» Ивана Пересветова. В первую очередь требуют проработки портреты правителей, изображенные Иваном Пересветовым, — турецкого правителя Магмет-салтана и византийского царя Константина VIII Палеолога. Интересно не разработанное, к сожалению, в полной мере наблюдение Андрея Витальевича Каравашкина о раскрытии Иваном Пересветовым через речи султана-философа учения о царе как образе Бога. Вместе с тем это наблюдение соответствует настрою эпохи. В «Сказании» стоит обратить внимание и на представления о Византии и Турции, которые раскрываются в том числе и через образы их правителей. Иван Пересветов апеллирует к историческому опыту этих двух держав. Все затронутые аспекты дальнейшего изучения «Сказания» открывают еще одну проблему — проблему определения жанровых особенностей этого произведения. А.В. Каравашкин отмечает, что Иван Пересветов «выбирает форму пророческого откровения», а проект его реформ составлен в русле утопической мысли начала XVI в. В целом же, становится ясно, что И. Пересветов поднимает самые острые проблемы российской действительности. Он предлагает уроки от турецкого властителя, которые должен извлечь из падения Византии русский царь, чтобы встать ему во главе христианского православного мира. Это и была, по мнению И. Пересветова, последняя надежда православных христиан. Речь не шла о построении небесного Царства, а о «переносе империи», который означает для И. Пересветова прежде всего «перенос справедливости».

Ключевые слова: древнерусская литература, похвала, эпос, традиция, поэтика, святость, имагология, образ, Иван Пересветов.

Mikhail V. Pervushin

**THE LEGEND OF MAGMET-SALTAN BY IVAN PERESVETOV:
LESSONS FOR THE RUSSIAN TSAR**

In Memory of Andrey V. Karavashkin

Abstract: The article examines the directions for further research of *The Legend of Magmet-Saltan* by Ivan Peresvetov. First of all, the portraits of the rulers portrayed by Ivan Peresvetov, Turkish ruler Magmet-Saltan and Byzantine king Constantine VIII Palaeologus, require study. An interesting, but unfortunately not fully developed, notice by Andrey V. Karavashkin on Ivan Peresvetov's disclosure through the speeches of sultan-philosopher of the doctrine of a king as the image of God. The observation corresponds to the mood of era. In *The Legend of Magmet-Saltan* one should also pay attention to the perceptions of Byzantium and Turkey, which are revealed, among other things, through the images of the rulers. Ivan Peresvetov appeals to the historical experience of these two powers. All the mentioned aspects of further study of *The Legend of Magmet-Saltan* open one more problem — the problem of determining the genre features of the work. A.V. Karavashkin notes that Ivan Peresvetov “chooses the form of prophetic revelation” and his project of reforms is composed in line with an utopian thought of the early 16th century. In general, however, it is clear that I. Peresvetov raises the most acute problems of Russian reality. He offers lessons from Turkish ruler, which should be learned from the fall of Byzantium Russian tsar to stand him at the head of Christian Orthodox world. The thesis, according to I. Peresvetov, was the last hope of Orthodox Christians. It was not on building a heavenly kingdom, but on “transferring the empire,” which for I. Peresvetov meant above all “transferring justice.”

Keywords: Old Russian literature, praise, epic, tradition, poetics, holiness, imagology, image, Ivan Peresvetov.

Интересующее нас сочинение — «Сказание о Магмет-салтане» — дошло в составе сборников Полной (содержащей все сочинения) и Неполной редакций сочинений Ивана Семеновича Пересветова и было издано Александром Александровичем Зиминым в 1956 г. [29]

Сочинения И.С. Пересветова разнообразны по своему жанровому характеру. В частности, «Сказание о Магмет-салтане» имеет форму повести, «хотя и откровенно публицистического характера» [25, с. 180]. Самые ранние найденные списки сочинений И.С. Пересветова датируются концом первой трети XVII в. [25, с. 178].

Скажем несколько слов об авторе «Сказания о Магмет-салтане». Предположительно это был Иван Семенович Пересветов — профессиональный «воинник» [29, с. 163], как характеризует он сам себя, или рядовой дворянин, как поясняет эту характеристику А.А. Зимин [29, с. 22; 7, с. 300–338], выходец из Литовской Руси — «выеждей из Литвы» [29, с. 171]. С конца 1530-х гг. проживал в Москве [7, с. 324]. Последние упоминания об Иване Пересветове датированы 1549 г. О дальнейшей его судьбе ничего неизвестно. Биографических сведений о нем крайне мало, и в основном все они содержатся в его сочинениях. На основании этого некоторые исследователи считают Ивана Семеновича Пересветова личностью выдуманной. Действительным же автором приписываемых ему сочинений одни указывают ближайшего сподвижника Ивана Грозного Алексея Федоровича Адашева, другие — самого царя Ивана IV [1, с. 111; 2, с. 223–271; 14, с. 25–55; 19, с. 136].

В описи царского архива XVI в. имеется запись о хранящемся там «черном списке Ивашки Пересветова»¹. Одни именуют это черновыми записями его трудов, другие утверждают, и небезосновательно, что это так называемые допросные листы попавшего в опалу книжника.

Если говорить о содержании «Сказания о Магмет-салтане», то Иван Пересветов сжато и увлекательно повествует о мудром правителе Магмет-салтане, который завоевал Византийскую империю и установил якобы новую модель управления. Однако эта модель, согласно автору, фактически была хорошо забытой старой византийской системой управления империей. Она не применялась в Византии на практике из-за коварства царского окружения («велмож»).

Вместе с тем модель эта не была окончательно утеряна. Она сохранилась, будучи записанной в «мудрых греческих книгах». И именно оттуда ее почерпнул, а затем и внедрил на практике Магмет-салтан.

¹ См.: [26, с. 31]. А.А. Зимин пишет, что многие исследователи понимали эту запись как указание на сочинения Ивана Пересветова, хранившиеся в царском архиве. Но «списки черные» в архиве часто означают судебные-следственные дела о каких-то лицах. Например, в другом ящике того же архива содержатся «списки черные Матвея Башкина» — судебное разбирательство о Башкине. Если же «списки черные» — это судебное дело Пересветова, который в середине XVI в. стал жертвой репрессий, то это объясняет умолчание о нем других источников и относительно поздний характер рукописной традиции его сочинений [7, с. 336–338].

Основная идея памятника заключается в апофеозе правды. И свое развитие, как это ни парадоксально, апофеоз получает от враждебного христианству правителя.

Уже в начале XIX в. Н.М. Карамзин обращается к сочинениям И.С. Пересветова, правда с определенным сомнением о времени их появления². В дальнейшем их изучал целый сонм выдающихся, блестящих и видных ученых как прошлого, так и современности³, в числе которых и Андрей Витальевич Каравашкин [8; 9].

«Сказание о Магмет-салтане» изучали и в контексте всех произведений И.С. Пересветова, и как отдельный памятник. Большинство исследований было направлено на разбор идеологии «Сказания», его языка, влияния на него предшествовавших произведений литературы и фольклора, а также его отражение в последующих произведениях и общественно-политических настроениях эпохи.

Некоторые исследователи определяют «Сказание» как первый в своем роде образец жанра утопии в отечественной литературе, однако, в чем же его утопичность, не поясняют. Более того, часто указывают, что Иван Грозный пережил сильное влияние этого произведения, впитав в себя изложенные там принципы, и старался следовать им в своих политических решениях⁴. Однако этот вопрос не был до конца разрешен в исследовательской литературе и нуждается в дальнейшем изучении.

Безусловно, требуют проработки портреты правителей, изображенные Иваном Пересветовым, — «царя турецкого Магмет-салтана» и «великаго царя Константина Ивановича». Их образы в «Сказании», столь явно выделяющиеся, были в целом обойдены вниманием исследователей. С одной стороны, они, несомненно, имеют вспомогательный характер, так как главное для автора заключалось в «пропаган-

² Н.М. Карамзин писал следующее: «В заключение упомянем о мнимой эпистоле Ивашки Семенова Пересветова к Иоанну, сочиненной без сомнения уже гораздо после сего царствования...» [10, с. 286].

³ См.: [6; 7; 11; 14; 15; 16, с. 712–713; 17; 20; 22; 27, с. 85–87] и ряд других авторов (см., например: [25, с. 181–182]).

⁴ См. современные научно-популярные статьи в интернет-изданиях, порой даже без указания авторства. Например: «Сказание о Магмете-султане»: почему эта книга была самой любимой у Ивана Грозного. URL: <https://dzen.ru/a/YhNE4E2k10k23gkA> (дата обращения: 21.06.2023). И подобные, например: [6].

дируемой на основе данных образов идеи, в той системе ценностей, которую автор конструирует и защищает» [3, с. 17]. Но, с другой стороны, образы Константина Ивановича и Магмет-салтана далеки от их реальных исторических прототипов — византийский царь Константин VIII Палеолог был на самом деле Мануиловичем с несколько иной биографией, чем представлена у И.С. Пересветова, а образ Магмет-салтана является контаминацией султана Магомета II и Сулеймана Великолепного. Образы, бесспорно, имеют собирательный характер и сами по себе представляют немалый интерес для имнологических изысканий.

Интересно не разработанное, к сожалению, в полной мере наблюдение А.В. Каравашкина о раскрытии И.С. Пересветовым «именно устами султана-“философа” учения о царе как образе Бога» [8, с. 423–437]. Это наблюдение соответствует настрою эпохи: образ князя-Бога просматривается и в письмах преподобного Максима Грека московскому князю Василию Ивановичу⁵, и в «Сказании о смерти Василия III», и в гимнографических сочинениях, посвященных княгине Ольге, князю Всеволоду-Гавриилу и др. [12; 13]. Так, и в «Сказании о Магмет-салтане» постоянно сравниваются Царь Небесный и царь земной — единовластный правитель, — который выступает гарантом Божественной справедливости, чьи заповеди должны помнить его подданные [29, с. 157]. Все это уже, безусловно, новый этап в развитии политического мышления и представления общества о власти, нашедший отражение в литературном процессе середины XVI в.

В «Сказании» стоит обратить внимание и на представления о Византии и Турции, которые раскрываются в том числе и через образы их правителей. И.С. Пересветов апеллирует к историческому опыту этих двух держав. При этом образ «бусурманской» Турции служит ему положительным примером, а образ христианской Византии — в целом отрицательным.

Однако Византия отличается в произведении двуплановостью. С одной стороны, она охарактеризована недальновидной политикой

⁵ «Свободы свет тобою да подастся нам бедным», — писал преподобный Максим Грек, несомненно, знавший политическую ситуацию и настроения на Балканском полуострове, великому князю московскому Василию Ивановичу III. См.: [3, с. 5–36].

вельмож, их неправым судом, подрывом военной мощи государства, корыстолюбивым поведением... Именно они царя Константина «осетили», «уловили», «укротили», «обнизили», «ухитрили» [29, с. 152], что и привело державу к гибели (при этом у И.С. Пересветова нет никакого личного осуждения государя-императора). Вместе с тем «греческие книги», послужившие источником мудрости для Магмет-салтана, характеризуют Византию с другой стороны. И образ Турции с ее мудрым правителем идеализирован с целью обоснования идей правды и справедливости, почерпнутых из Византии. Ведь только после того, как был снят «образец жития света сего со христианских книг», с «греческих книг», Магмет-салтан сумел сделать верные выводы и провести у себя в стране реформы.

Здесь очень четко пролеживается принцип контраста — «сопряжение далековатых идей»⁶ — противопоставление правления последнего византийского императора политике турецкого султана. Для разбираемого «Сказания» этот принцип можно назвать универсальным: он и текстообразующий структурный компонент, он и маркер, помогающий автору выделять отдельные черты образов его героев, а также повышающий выразительность и драматизм всего произведения. Однако богаче всего контраст в «Сказании» реализуется, безусловно, на композиционном уровне. Контраст становится основным принципом композиции произведения, важным компонентом авторского стиля.

И.С. Пересветов создает идеализированный образ турецкого султана, он восхищен турецким правителем. Однако и византийский царь у него положительный герой. Оба правителя, таким образом, находятся на одном полюсе контраста, а другой занимает их окружение. Именно из-за царских вельмож и погибает Царьград, и творятся жестокости в царстве турецком.

Магмет-салтан, этот мусульманский завоеватель, не только читает заповеди богодухновенных христианских книг, но и старательно их исполняет, он преисполнен похвал в адрес христианского вероучения

⁶ Словесная формула Ю.Н. Тынянова [18, с. 236], с отсылкой к М.В. Ломоносову и его «Краткому руководству к красноречию»: «Должно смотреть, чтобы приисканные идеи приличны были к самой теме, однако не надлежит всегда тех отбрасывать, которые кажутся от темы далековаты, ибо оне иногда, будучи сопряжены по правилам следующие главы, могут составить изрядные и к теме приличные сложенные идеи» [24, с. 111]. См. также у А.С. Демина: [4].

и совершенно не показан в «Сказании» притеснителем православных. Благодаря уважению к «христианским книгам» и заповедям Христа, он становится «философом мудрым». Магмет признает «благость веры» византийского царя, ее правильность, истинность [28, с. 192], более того, он и сам хотел бы быть православным: «Хотел веру христианскую принять от сердечныя радости и восхвалил веру христианскую: несть таковыя веры у Бога, яко же вера христианская» [29, с. 160]. Он говорит это «в тайне себе», т. е. скрывая заветные мысли от своего окружения и, что особенно ценно, формулируя царское предназначение, как видит его он — мусульманин: «Таковому было быти христианскому царю, всеми правдами Богу сердечную радость воздати и за веру христианскую крепко стояти» [29, с. 160].

Таким образом, царь Магмет-салтан — очень необычный герой древнерусской литературы! «Он постигает ту логику Божественного замысла человеческой истории, — подчеркивает А.В. Каравашкин, — которая открывается через опыт “христианских книг” и присутствует в феноменологии исторического процесса» [9, с. 52–53].

Все затронутые аспекты дальнейшего изучения «Сказания» открывают еще одну проблему — проблему определения жанровых особенностей этого произведения. Построенная И.С. Пересветовым модель идеального общества характеризуется верой автора в безупречность этого построения, в ее спасительность для власти и совершенную необходимость для основания и существования твердой государственности. Опираясь на деление К. Ремера [23, р. 79], можно увидеть в «Сказании» особенности жанра эвтопии, когда описываемая реальность превосходит объективную действительность и предполагает радикальное преобразование общества («утопия реконструкции»).

А.В. Каравашкин отмечает, что И.С. Пересветов «выбирает форму пророческого откровения» [9, с. 16–17]. В свою очередь, это может подтвердить выявленные особенности жанра эвтопии, а также вполне согласуется со словами немецкого теоретика литературы, философа и историка Рейнхарта Козеллека, что писатель-утопист чаще всего не является историком или хронистом, зато он «продюсер» грядущего, пророк, который ищет и находит в неопределенном будущем совершенство [21, р. 92].

Само «Сказание» И.С. Пересветова словно погружает описанную в ней реальность в утопию. Автор соединяет в своем произведении

все то, что могло казаться несочетаемым, утопичным и его современникам, и их потомкам. Например, понятие «правда» в своей сущности лишено религиозного содержания — оно трактуется как сугубо светское, не связанное с какой-либо религией или идеологией. Хотя нельзя не согласиться с А.С. Деминым, отмечающим, что «правда» богоугодна и неизбежно приводит к вере всех, кто ей следует [5, с. 79]. Однако, по сути, в «Сказании» правда «голая», т. е. «безрелигиозная». Такова задумка И.С. Пересветова!

Нужна она для того, чтобы было возможным осуществление этой правды даже неправославным или, что еще утопичнее, нехристианским государем. Следуя же этой правде, мусульманский султан, во-первых, легко и верно оценивает христианского царя Константина как «благоверного» [29, с. 151], т. е. признает, повторюсь, «благость веры» царя, ее правильность, истинность; во-вторых, легко налаживает в своем царстве порядок: «добровольную» службу (вместо «порабощения») и справедливый суд; в-третьих, без труда научается сам великой мудрости, черпая ее щедро из опыта византийского царя: «Ино великия мудрости прибыло у царя Магметя» [29, с. 151].

В целом же, становится ясно, что И. Пересветов на самом деле поднимает самые острые проблемы российской действительности. Он вкладывает в уста турецкого властителя уроки, которые должен извлечь из падения Византии русский царь, чтобы встать ему во главе христианского православного мира. Это и была последняя надежда православных христиан. Речь не шла о построении небесного Царства, Града или Империи, а лишь о «переносе империи», который означает для И. Пересветова прежде всего «перенос справедливости». Гармония между «правдой» и «верой», в его понимании, должна была не только укрепить, но и реформировать Московское царство.

Напряжение между реальным и идеальным объясняется не только двойственным характером любого утопического дискурса, но также и тем, что в равной мере оно проистекает из самой природы русской идентичности, ориентированной не только на то, что есть Россия в реальности, но и на то, какой она «себя считает» или даже какой она «хотела бы быть».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Исследования

- 1 Авалиани С.Л. Об Иване Пересветове // Труды четырнадцатого археологического съезда в Чернигове. 1909. М.: Тип. о-ва распространения, 1911. Т. 3, ч. 3: Протоколы. С. 111–112.
- 2 Альшиц Д.Н. От легенд к фактам. СПб.: Наука, 2009. 498 с.
- 3 Все народы едино суть / сост. Н.В. Сеницына. М.: Молодая гвардия, 1987. 692 с.
- 4 Демин А.С. Малая художественная форма как проблема исторической поэтики // Историческая поэтика: Итоги и перспективы изучения. М.: Наука, 1986. С. 210–235.
- 5 Демин А.С. Русская литература второй половины XVII — начала XVIII века. М.: Наука, 1977. 296 с.
- 6 Ерусалимский К.Ю. Греческая «вера», турецкая «правда», русское «царство»: еще раз об Иване Пересветове и его проекте реформ // Вестник РГГУ. Серия: Литературоведение. Языкознание. Культурология. 2011. № 7 (69). С. 87–104.
- 7 Зимин А.А. Пересветов и его современники. М.: Наука, 1958. 500 с.
- 8 Каравашкин А.В. Литературный обычай Древней Руси (XI–XVI вв.). М.: РОССПЭН, 2011. 720 с.
- 9 Каравашкин А.В. Русская средневековая публицистика: Иван Пересветов, Иван Грозный, Андрей Курбский. М.: Прометей, 2000. 418 с.
- 10 Карамзин Н.М. История государства Российского. СПб.: В тип. Н. Греча: иждивением братьев Слениных, 1821. Т. 9 (разд. паг.). 472, 298 с.
- 11 Касьяненко В.В. Политические идеи И.С. Пересветова: историография проблемы // Тенденции развития науки и образования. 2018. № 1 (40). С. 23–26.
- 12 Первушин М.В. Два взгляда на княгиню Ольгу в древнерусской гимнографии // Litera. 2020. № 10. URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=33861 (дата обращения: 12.05.2023).
- 13 Первушин М.В. Несколько взглядов на одну жизнь: литературные образы князя Всеволода Псковского // Герменевтика древнерусской литературы. Сборник 19 / гл. ред. О.А. Туфанова, отв. ред. Е.А. Андреева. М.: ИМЛИ РАН, 2020. С. 507–525. DOI: 10.22455/978-5-9208-0610-9-507-525
- 14 Полосин И.И. О челобитных Пересветова // Ученые записки Московского государственного педагогического института им. В. И. Ленина. 1946. Т. XXXV. Вып. 2. С. 25–55.
- 15 Ржига В.Ф. И.С. Пересветов публицист XVI века. М.: Синод. тип., 1908. 84 с.
- 16 Соловьев С.М. История России с древнейших времен. М.: Изд-во социально-экономической лит., 1960. Кн. 3, т. 6. 818 с.
- 17 Талмазан О.Н. Правда Пересветова и прагма Макиавелли // Славянские чтения. 2020–2021. № 16–17. С. 156–175.
- 18 Тынянов Ю.Н. Поэтика. История литературы. Кино. М.: Наука, 1977. 576 с.
- 19 Худяков М.Г. Очерки по истории Казанского ханства. М.: ИНСАН, Совет по сохранению и развитию культур малых народов, СФК, 1991. 320 с.

- 20 Юрганов А.Л. Категории русской средневековой культуры. М.: МИРОС, 1998. 448 с.
- 21 Koselleck R. The practice of conceptual history: timing history, spacing concepts / translated by Todd Samuel Presner, with others. Stanford, California: Stanford University Press, 2002. 363 p.
- 22 Mureşan D.I. Penser Byzance à l'aube de la Russie impériale. D'Ivan Peresvetov à Ivan IV Vasilevic // Istina. 2007. Vol. LII. P. 466–479.
- 23 Roemer K.M. Paradise transformed: varieties of nineteenth-century utopias // The Cambridge Companion to Utopian Literature / Ed. by Claeyes G. Cambridge University Press, 2010. P. 79–106.

Источники

- 24 Ломоносов М.В. Полн. собр. соч. М.; Л.: Акад. наук СССР, 1952. Т. 7. 996 с.
- 25 Лурье Я.С. Пересветов Иван Семенович // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Л.: Наука, Ленингр. отд-ние, 1989. [Вып. 2]: 2-я половина XIV — XV в. Ч. 2: Л–Я / отв. ред. Д.С. Лихачев. С. 178–182.
- 26 Описи Царского архива XVI века и архива Посольского приказа 1614 года / под ред. С.О. Шмидта. М.: Изд-во вост. лит., 1969. 196 с.
- 27 Попов А.Н. Обзор хронографов русской редакции. М.: Тип. А.И. Мамонтова, 1869. Вып. 2. 287 с.
- 28 Словарь русского языка XI–XVII вв. М.: Наука, 1975. Вып. 1: А–Б. 372 с.
- 29 Сочинения И.С. Пересветова. М.; Л.: Акад. наук СССР, 1956. 390 с.

REFERENCES

- 1 Avaliani, S.L. “Ob Ivane Peresvetove” [“On Ivan Peresvetov”]. *Trudy chetyrnadtsatogo arkhеologicheskogo s'ezda v Chernigove 1909* [Proceedings of the Fourteenth Archaeological Congress in Chernigov 1909], vol. 3, 1911, pp. 111–112. (In Russian)
- 2 Al'shits, D.N. *Ot legend k faktam* [From Legends to Facts]. St. Petersburg, Nauka Publ., 2009. 498 p. (In Russian)
- 3 Sinitsyna, N.V., editor. *Vse narody edino sut'* [All Nations Are United]. Moscow, Molodaia gvardiia Publ., 1987. 692 p. (In Russian)
- 4 Demin, A.S. “Malaia khudozhestvennaia forma kak problema istoricheskoi poetiki” [“Small Art Form as a Problem of Historical Poetics”]. *Istoricheskaiia poetika: Itogi i perspektivy izucheniia* [Historical Poetics: Outcomes and Prospects of Study]. Moscow, Nauka Publ., 1986, pp. 210–235. (In Russian)
- 5 Demin, A.S. *Russkaia literatura vtoroi poloviny XVII — nachala XVIII veka* [Russian Literature of the Second Half of the 17th and the early 18th Centuries]. Moscow, Nauka Publ., 1977. 296 p. (In Russian)
- 6 Erusalimskii, K.Iu. “Grecheskaia ‘vera’, turetskaia ‘pravda’, russkoe ‘tsarstvo’: eshche raz ob Ivane Peresvetove i ego proekte reform” [“Greek ‘Faith’, Turkish ‘Truth’, Russian ‘Kingdom’: More about Ivan Peresvetov and His Project of Reforms”]. *Vestnik RSUH. Serii: Literaturovedenie. Iazykoznanie. Kul'turologiia*, no. 7(69), 2011, pp. 87–104. (In Russian)

- 7 Zimin, A.A. *Peresvetov i ego sovremenniki* [*Peresvetov and His Contemporaries*]. Moscow, Nauka Publ., 1958. 500 p. (In Russian)
- 8 Karavashkin, A.V. *Literaturnyi obychai Drevnei Rusi (XI–XVI vv.)* [*Literary Custom of Old Russia (11th–16th Centuries)*]. Moscow, ROSSPEN Publ., 2011. 720 p. (In Russian)
- 9 Karavashkin, A.V. *Russkaia srednevekovaia publitsistika: Ivan Peresvetov, Ivan Groznyi, Andrei Kurbskii* [*Russian Medieval Publicism: Ivan Peresvetov, Ivan the Terrible, Andrei Kurbsky*]. Moscow, Prometei Publ., 2000. 418 p. (In Russian)
- 10 Karamzin, N.M. *Istoriia gosudarstva Rossiiskogo* [*History of the Russian State*], vol. 9. St. Petersburg, Tipografiia N. Grecha: izhdiveniem brat'ev Sleninykh Publ., 1821. 770 p. (In Russian)
- 11 Kaš'ianenko, V.V. "Politicheskie idei I.S. Peresvetova: istoriografiia problem" ["I.S. Peresvetov's Political Ideas: Historiography of the Problem"]. *Tendentsii razvitiia nauki i obrazovaniia* [*Trends in the Development of Science and Education*], no. 1 (40), 2018, p. 23–26. (In Russian)
- 12 Pervushin, M.V. "Dva vzgliada na kniaginiu Ol'gu v drevnerusskoi gimnografii" ["Two Views on Princess Olga in Old Russian Hymnography"]. *Litera*, no. 10, 2020. Available at: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=33861 (Accessed 14 May 2022). (In Russian)
- 13 Pervushin, M.V. "Neskol'ko vzgliadov na odnu zhizn': literaturnye obrazy kniazia Vsevoloda Pskovskogo" ["Several Views on One Life: the Literary Image of Prince Vsevolod of Pskov"]. *Germenevtika drevnerusskoi literatury* [*Hermeneutics of Old Russian Literature*]. Issue 19. Ed.-in-chief O.A. Tufanova. Moscow, IWL RAS Publ., 2020, pp. 507–525. (In Russian) DOI: 10.22455/978-5-9208-0610-9-507-525
- 14 Polosin, I.I. "O chelobitnykh Peresvetova" ["On Peresvetov's Petitions"]. *Uchenye zapiski Moskovskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo instituta im. V. I. Lenina* [*Scientific Notes of the V.I. Lenin Moscow State Pedagogical Institute*], vol. XXXV, part 2, 1946, pp. 25–55. (In Russian)
- 15 Rzhiga, V.F. *I. S. Peresvetov publitsist XVI veka* [*Peresvetov is the Sixteenth Century Publicist*]. Moscow, Sinodal'naia tipografiia Publ., 1908. 84 p. (In Russian)
- 16 Solov'ev, S.M. *Istoriia Rossii s drevneishikh vremen* [*History of Russia since ancient times*], vol. 6. Moscow, izdatel'stvo sotsial'no-ekonomicheskoi literatury Publ., 1960. 818 p. (In Russian)
- 17 Talmazan, O.N. "Pravda Peresvetova i pragma Makiavelli" ["Peresvetov's Truth and Machiavelli's Pragma"]. *Slavianskie chteniia* [*Slavonic Readings*], no. 16–17, 2020–2021, pp. 156–175. (In Russian)
- 18 Tynianov, Iu.N. *Poetika. Istoriia literatury. Kino* [*Poetics. History of Literature. The Cinema*]. Moscow, Nauka Publ., 1977. 576 p. (In Russian)
- 19 Khudiakov, M.G. *Ocherki po istorii Kazanskogo khanstva* [*Essays on the History of Kazan Khanate*]. Moscow, INSAN, Sovet po sokhraneniui i razvitiui kul'tur malykh narodov, SFK Publ., 1991. 320 p. (In Russian)
- 20 Iurganov, A.L. *Kategorii russkoi srednekovoi kul'tury* [*Categories of Russian Medieval Culture*]. Moscow, MIROS Publ., 1998. 448 p. (In Russian)

- 21 Koselleck, Reinhart. *The Practice of Conceptual History: Timing History, Spacing Concepts*, trans. Todd Samuel Presner et al. Stanford, California, Stanford University Press, 2002. 363 p. (In English)
- 22 Mureșan, Dan Ioan. "Penser Byzance à l'aube de la Russie impériale. D'Ivan Peresvetov à Ivan IV Vasil'evic." *Istina*, vol. LII, 2007, pp. 466–479. (In French)
- 23 Roemer, Mildred Allison. "Paradise Transformed: Varieties of Nineteenth-Century Utopias." *The Cambridge Companion to Utopian Literature*, ed. Claey's G. Cambridge University Press, 2010, pp. 79–106. (In English)

Информация об авторе: Михаил Викторович Первушин — кандидат филологических наук, старший научный сотрудник, Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук, ул. Поварская, д. 25 а, 121069 г. Москва, Россия.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0003-1104-946X>

E-mail: 1609pm@gmail.com

Information about the author: Mikhail V. Pervushin, PhD in Philology, Senior Researcher, A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Povarskaya 25 a, 121069 Moscow, Russia.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0003-1104-946X>

E-mail: 1609pm@gmail.com

Для цитирования: Первушин М.В. «Сказание о Магмет-салтане» Ивана Пересветова: уроки для русского царя // Герменевтика древнерусской литературы. Сборник 22 / Ин-т мировой литературы РАН; гл. ред. О.А. Туфанова. М.: ИМЛИ РАН, 2023. С. 407–418. <https://doi.org/10.22455/HORL.1607-6192-2023-22-407-418>

© 2023, М.В. Первушин

For citation: Pervushin, M.V. "The Legend of Magmet-Saltan' by Ivan Peresvetov: Lessons for the Russian Tsar." *Germenevtika drevnerusskoi literatury* [Hermeneutics of Old Russian Literature]. Issue 22. Ed.-in-chief O.A. Tufanova. Moscow, IWL RAS Publ., 2023, pp. 407–418. (In Russian) <https://doi.org/10.22455/HORL.1607-6192-2023-22-407-418>

© 2023, Mikhail V. Pervushin